СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XX, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ
въ
ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1879.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1879 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

(Академика А. Н. Веселовскаго.)

I.

Греческій апокрифъ о св. Θеодорѣ.

Древне-русское отреченное сказаніе о св. Θеодорѣ, освободившемъ свою мать отъ змѣя, издано было не разъ: г. Пыпинымъ по Румянцевскому Торжественнику начала XVI вѣка, № 436 [1]), проф. Тихонравовымъ по рукописи Троицко-Сергіевской Лавры XVI вѣка, № 648 [2]), и г. Прохоровымъ по списку XVII вѣка, ему принадлежащему [3]). Къ двумъ первымъ текстамъ апокрифа, представляющимъ существенно одну и туже редакцію, и третьему, предлагающему разсказъ нѣсколько болѣе развитый, присоединяется нынѣ и греческій, печатаемый нами по вѣнской рукописи Cod. hist. graec. № CXXVI л. 56 слѣд. Важность его для русскаго изслѣдователя заключается въ удостовѣреніи того факта, что извѣстные намъ русскіе пересказы отреченной статьи переведены съ греческаго, что оригиналъ ихъ не многимъ разнился отъ сообщаемаго вѣнскаго; что на Руси знали наконецъ и такую редакцію сказанія, въ которой сохранилась одна подробность вѣнской легенды, утратившаяся въ ея

---

[1]) Памятники старинной русской литературы III (СПБ. 1862 г.) стр. 142—145.

[2]) Тихонравовъ, Памятники Отреч. русск. литер. II стр. 93—99.

[3]) Христіанскія древности и археологія, кн. I (1864 г.) стр. 58—64.

русскихъ рукописныхъ пересказахъ. Къ послѣднему выводу приводитъ сличеніе вѣнскаго текста съ его далекими отраженіями въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ.

Зависимость послѣднихъ отъ апокрифическаго чуда не подлежитъ сомнѣнію; точнѣе: отъ русскихъ рукописныхъ пересказовъ чуда, если принять догадку г. Кирпичникова, что *китъ*, по которому переѣзжаетъ Ѳеодоръ въ духовномъ стихѣ, могъ явиться между прочимъ подъ вліяніемъ непонятаго народнымъ пѣвцомъ выраженія славянской статьи: о колодезѣ, прикрытомъ *кытою* [1]). Это даетъ намъ право непосредственно сличать духовный стихъ съ вызвавшимъ его славянскимъ апокрифомъ, пополняя его нѣкоторыми новыми чертами изъ вѣнскаго текста. Пріемы народнаго пѣсеннаго творчества выяснятся намъ тѣмъ ярче, чѣмъ точнѣе очерченъ матеріалъ, изъ котораго приходилось творить пѣсню. Изученіе подобнаго рода имѣетъ и общій интересъ, распространяющійся на всю область народнаго эпоса: сближая опредѣленные образы апокрифа съ тѣми измѣненіями, которымъ они подверглись въ стихѣ, мы облегчимъ себѣ рѣшеніе въ такихъ случаяхъ, когда на лицо одна лишь народная обработка какого нибудь эпическаго сюжета, а его литературный оригиналъ является искомымъ, или предположительнымъ. Разумѣется, точнаго рѣшенія въ подобнаго рода вопросахъ добиться трудно, потому что то, что представляется намъ пріемомъ народно-поэтической переработки, можетъ оказаться результатомъ припоминанія, внѣшняго перенесенія сходнаго эпизода изъ одной пѣсни въ другую, изъ стиха въ былину, или на оборотъ — по аналогіи.

Обращаясь къ сравнительному изученію стиха и апокрифа, мы обѣщаемъ остановиться лишь на общихъ очертаніяхъ того и другаго.

Въ апокрифѣ царю снится страшный сонъ: онъ видѣлъ

[1]) Сл. Кирпичниковъ, Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ въ Ж. М. Н. Пр. 1877, октябрь, стр. 146.

«человѣка сановника копіе на люди имуща и оружіе имуща въ руцѣ своеи на обѣ страны остро и другое за собою; опоясався и первое нападе на мя и абіе изболе мя и мышца не остави». Царь спрашиваетъ своихъ князей: не видалъ ли кто того человѣка; тѣ отнѣкиваются. Увидѣвъ, что царь опечаленъ и огорченъ такимъ отвѣтомъ, Θеодоръ самъ рѣшается ѣхать на поиски, ѣдетъ «сквозь языки незнаемы, иже закона не знаютъ», и наконецъ находитъ въ Сиріи, въ пещерѣ, прикрытой вѣтвями, нѣсколько сарацинъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ, связавъ, приводитъ въ римскую землю. Въ числѣ плѣнниковъ царь находитъ и того «сановника», который поразилъ его во снѣ; велитъ казнить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, иныхъ заточить, а отроковъ и женъ отдать въ рабство.

Этотъ первый эпизодъ апокрифа можно назвать *поѣздкой Θеодора противъ Сарацинъ*; человѣкъ, представшій царю въ сновидѣніи, ихъ сановникъ; греческій текстъ даетъ ему ближайшее опредѣленіе: ἀμαλήκ, что означаетъ *царя.*—Въ русскомъ стихѣ Сарацины и ихъ царь замѣнены царемъ Іюдейскимъ, силой жидовской; потому-ли что въ разсказѣ о борьбѣ христіанъ съ невѣрными жидовская сила являлась болѣе понятнымъ терминомъ для выраженія врага христіанскаго имени? Въ такомъ толкованіи позволено усумниться потому именно, что русскій былевой эпосъ излюбилъ для выраженія такого общаго понятія другую этнографическую особь: Татаръ. Не отнести ли созданіе стиха, или лучше, первую народную переработку апокрифа, къ временамъ, когда еще жива была память о жидовской силѣ, какъ дѣйствительно враждебной для Руси? Въ богатырѣ «жидовинѣ» русскихъ былинъ, съ которымъ борются Илья и Добрыня, уже другіе усматривали представителя древней Хазаріи.

Дальнѣйшая разработка апокрифическаго разсказа въ народномъ стихѣ вызываетъ разнообразные вопросы, и лишь предположительные отвѣты на многіе изъ нихъ. Можно вообще говорить о пріемахъ народнаго творчества, по которымъ оно претворило данное литературное содержаніе; но возможнымъ

представляется и прямое воздѣйствіе уже сложившихся былинъ на тотъ или другой эпизодъ стиха.

Русскій народный эпосъ не обнаруживаетъ особой любви къ мотиву «сновидѣнія». Этимъ можно объяснить, что сновидѣніе апокрифической легенды разработано въ русскомъ стихѣ, какъ дѣйствительно случившееся: тамъ сарацинскій властитель угрожаетъ во снѣ царю, поднявъ на него оружіе; здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствительномъ нападеніи, и оружіе обращается въ стрѣлу, пущенную въ христіанскій городъ со словами вызова.

Царь Константинъ Самойловичъ (или Сауйловичъ вм. Самуиловичъ) молится у заутрени, когда къ городу подступилъ царь Іудейскій съ силой Жидовскою.

Прилета́ла калена̀ стрѣла,
На стрѣлѣ было подписано:
«Царь Констинкинъ Самойловичъ!
«Отдай градъ ты охотою:
«Не отдашь градъ охотою,
«Мы возмемъ градъ мы неволею»

(Безсоновъ Кал. I № 122 и варьянтъ къ № 125.)

Царь вызываетъ своихъ князей-бояръ:

А вы ой еси, князья-бо̀яре,
Гости богатыя, люди почестныя!
Кому ѣхать супротивъ мово недруга,
Кому ѣхать супротивъ царя Юдейскаго,
Супротивъ его силы Жидовскія?

(ib. № 124; сл. № 122, 125 и варьянтъ.)

Всѣ отмалчиваются; вызывается одинъ Ѳеодоръ.

Когда грозное сновидѣніе обратилось въ вражеское нашествіе, поѣздка за вражьимъ сарациномъ стала битвой, казнь плѣнныхъ—побіеніемъ жидовской силы, съ которой долго сражается Ѳеодоръ,

Ни пиваючи ни ядаючи,
Сы стримёнъ ногъ не вымаючи,
Съ добра коня не слѣзаючи,
Побиваетъ силу Жидовскую.
Топитъ яво кровь Жидовская,
Ожа по колѣна и по поясъ,
По его груди бѣлыя.
Онъ ударилъ копьемъ во сыру землю:
«Мать сыра̀ земля, хлѣбородница!
«Разступиси на четыри на стороны».
Разступилась мать сыра земля
На четыри на стороны,
Пожирала кровь Жидовскую.

(ib. № 124; сл. 122, 125 и варьянтъ.)

Источники этой эпической амплификаціи ясны. Во второмъ эпизодѣ апокрифа, повѣствующемъ о битвѣ Ѳеодора съ змѣемъ, Ѳеодоръ, побѣдивъ его, оказывается замкнутымъ въ вертепѣ чудовища, задерживавшаго воду. По молитвѣ угодника Господь посылаетъ къ нему архангела «и пропусти *воду* тещи первымъ путемъ .... и изыде вода *яко рѣка велика*» (καὶ ἐξῆλθεν τὸ ὕδωρ ὡσεὶ ποταμὸς μέγας). Великая рѣка вызвала образъ *потопа*; сближеніе перваго (битва съ жидовской силой) и втораго эпизода (битва съ змѣемъ) стиха объясняетъ тождественность образовъ: Ѳеодора *топитъ* кровь жидовской рати, имъ побитой, а съ другой стороны «рѣка велика» апокрифа обращается въ нѣкоторыхъ редакціяхъ стиха въ *кровавый потопъ*:

Потопляетъ кровь змѣиная,
И доброму молодцу по бѣлу грудь;
Онъ воткнулъ копье въ сыру̀ землю̀,
Онъ раскрылъ книгу Ева́нгеля
Во зрыданьяхъ сло̀ва не вы̀молвитъ,
Во слезахъ сло̀ва не о́бозритъ:

«О Господи да Спасъ милосливый!
«Разступися, мать сыра́ земля̀,
«На четыре на сто́роны,
«Прожри кровь зміиную,
«Не давай намъ погибнути
«Во кровѝ во змі́йныя».
По его умоленію,
По святому упрошенію,
Разступилась сыра̀ земля
На четыре на сто́роны
Прожирала кровь зміиную.

(ib. № 122; сл. 121, 123, 124 и варьянтъ къ № 125.)

Въ греческомъ чудѣ царь обращается къ Өеодору съ возваніемъ: τέκνον, которое понято вообще, какъ естественное обращеніе старшаго къ младшему. Русскіе пересказы нетолько передаютъ τέκνον словомъ «*чадо*», но и понимаютъ его реально: о Өеодорѣ говорится: и прiатъ молитву отъ *отца*. Народному стиху оставалось лишь развить эти черты подробнѣе: Өеодоръ могъ прямо явиться въ немъ *сыномъ* царя, малолѣтнимъ, что объясняетъ съ своей стороны предостереженіе отца юному богатырю, напрашивавшемуся на трудный подвигъ. Когда на вызовъ царя, кто хочетъ выйти супротивникомъ жидовской силы, «никто не выбирается», и «старый прячется за малыми»,

Выходило его чадо милое,
Младъ человѣкъ Өёдоръ Тириновъ,
И возговоритъ таково слово:
«Государь ты мой *батюшко*,
Царь Костянтинъ Сауйловичъ!
Дай ты мнѣ свое великое благословленіе,
Дай ты мнѣ збрую ратную
И востро̀ копье булатное,
Дай добра̀ коня неѣзжалаго,

Сѣделечко новое несиживалое:
Я поѣду супроти́въ царя Іудейскаго,
Супротивъ его силы Жидовскія».
Царь Костянтинъ Сауйловичъ
И возго́воритъ таково слово:
«Ой ты еси, чадо милое,
Младъ человѣкъ Өёдоръ Тиринъ!
Малымъ ты малёшенекъ,
И разумомъ тупёшенекъ,
И отъ роду тебѣ двѣнадсять лѣтъ;
На бояхъ ты не бывывалъ
Крова́выхъ ранъ не видывалъ,
На добрѣ́ конѣ не сиживалъ,
Збруей ратной не владывалъ».

(ib. № 125 и варьянтъ; сл. № 124, 122.)

Въ греческомъ апокрифѣ и въ его русскихъ передачахъ съ такой-же мольбой обращается царь къ Өеодору, готовящемуся выйти на бой съ змѣемъ: «о чадо Өеодоре, его же не можеши творити не помысли творить». Въ экономіи народнаго стиха, представившаго Өеодора малолѣткомъ, является вполнѣ естественнымъ, что предостереженіе отца сыну перенесено было съ второго подвига юнаго богатыря на его первую поѣздку.

Такъ переработалось въ народномъ стихѣ содержаніе первой части греческаго апокрифа. Совершилась-ли эта переработка самостоятельно, не опираясь на опредѣленные поэтическіе образцы, черпая свои образы и подробности, отличающія ее отъ книжной легенды, изъ *общихъ* мѣстъ народной пѣсни? Вопросъ этотъ усложняется — существованіемъ русскихъ былинъ съ такимъ же планомъ и развитіемъ, какіе мы склонны были-бы вмѣнить замышленію автора стиха. Михайло Даниловичъ и Ермакъ— такіе-же двѣнадцатилѣтки, какъ Өеодоръ, также выступаютъ на сцену, когда вражье войско подошло къ Кіеву, требуя поедин-

щика; какъ царь стиха, такъ и здѣсь Владиміръ обращается за помощью къ князьямъ, боярамъ, поленицамъ; богатыри медлятъ или отнѣкиваются; вызывается Михайло.

А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
«Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!
А и ростомъ-то видь ты же есь глупёшенекъ
Да и разумомъ-то ты же есть малёшенекъ;
Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ».
(Кирѣевск. вып. 3, стр. 45 № 2.)
На большихъ бояхъ не бывывалъ,
Страстей-ужастей ты не видывалъ

(ib. стр. 40 № 1.)

Также напрашивается на подвигъ и слышитъ такую-же отповѣдь отъ Владиміра—молодой двѣнадцатилѣтній Ермакъ, являющійся въ одной редакціи былины (№ 92 Гильф.) даже племянникомъ Владиміра, какъ Ѳеодоръ представляется намъ сыномъ царя [1]).

Аналогіи, подобныя указаннымъ, могутъ повести къ заключенію, что авторъ духовнаго стиха, понявъ реально отношенія царя къ Ѳеодору легенды, какъ отца къ сыну, разработалъ далѣе содержаніе апокрифическаго разсказа по мотивамъ былинъ о богатырѣ малолѣткѣ. Мы высказываемъ лишь предположеніе, такъ какъ взаимныя хронологическія отношенія былинъ и стиховъ намъ неизвѣстны, и общее между ними восходитъ, быть можетъ, къ болѣе древнимъ формамъ русскаго эпоса.

Перейдемъ ко второй половинѣ русскаго стиха, которая продолжаетъ идти по стезямъ апокрифа, выбирая изъ него существенныя черты, украшая и вмѣстѣ искажая ихъ по пріемамъ народной поэтики, но болѣе сохраняя планъ цѣлаго, чѣмъ это замѣчено было нами для первой части.

---

[1]) Былины о Михаилѣ Игнатьевичѣ и Ермакѣ послужатъ намъ предметомъ особаго изслѣдованія.

Ѳеодоръ возвратился съ боевого подвига; его мать ведетъ его коня на водопой и похищена змѣемъ. Въ апокрифѣ Ѳеодора извѣщаютъ о томъ рабы; въ стихѣ: слуги вѣрные (№ 125), два ангела (№ 122), либо его добрый конь (№ 123 и варьянтъ къ № 125). Ѳеодоръ сѣтуетъ, снаряжается на новый бой; въ апокрифѣ царь пытается остановить его, и мы видѣли, что русскій стихъ распорядился этимъ эпизодомъ иначе, помѣстивъ его передъ первымъ подвигомъ юнаго богатыря. Можетъ быть, такое же новое пріуроченіе слѣдуетъ допустить и для слѣдующихъ подробностей отреченнаго чуда: отвѣчая царю, Ѳеодоръ обнаруживаетъ неуклонную рѣшимость спасти мать; греческій текстъ заставляетъ его поминать о мукахъ и печаляхъ, которыя она понесла за него при *рожденіи*, о томъ, что она его вскормила своею грудью и ему достоитъ успокоить ее на склонѣ дней. Русскіе пересказы опустили эти черты, но они сходятся съ греческимъ въ томъ, что въ отповѣди Ѳеодора царю помѣщаютъ такую его просьбу: въ первую субботу поста сотвори память мою! Всѣ эти мотивы разработаны русскимъ стихомъ въ иной связи. Когда Ѳеодоръ освободилъ мать отъ змѣя,

Онъ сталъ её крѣпко спрашивать:
«Охъ ой еси, родна́ матушка!
Будетъ ли мое похожденіе
Супротивъ твого рожденія?»
— Охъ ты мое чадо милое!
— Не будетъ твое похожденіе
— Супротивъ моего рожденія. — (№ 121.)

иначе:

Какъ твое-то похожденіе
Наипаче моего порожденія (варьянтъ къ № 125.)

Точно также помѣстилась въ самомъ концѣ стиха просьба Ѳеодора о совершеніи ему памяти въ первую субботу великаго поста:

О родимый ты мой батюшка,
Царь Констинкинъ Самойловичъ!
Не звоните въ колокола благовѣстные,
Не служите вы молебны мѣстные:
Поимѣйте вы, православные,
Перву недѣлю великаго поста.
Кто поимѣетъ первую недѣлю великаго поста,
Того имя будетъ написано у самаго Господа
Во животныхъ книгахъ.

(№ 122; см. № 124, 125 и варіантъ.)

Особенность русскаго народнаго пересказа составляетъ эпизодъ о Китъ-рыбѣ (Китъ, Титъ, Кетръ). Мы видѣли выше, какъ толкуетъ г. Кирпичниковъ появленіе этого *имени*; *китъ* отъ *кыты* апокрифа. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ другое объясненіе: въ молитвѣ передъ битвой съ змѣемъ, особенно подробно развитой въ греческомъ текстѣ, Өеодоръ упоминаетъ и о пророкѣ Іонѣ, пожранномъ *китомъ* и изведенномъ изъ его чрева Божьей помощью. Образъ былъ данъ; дальнѣйшее развитіе его въ стихѣ объясняется замѣной кладезя, озера, которое по апокрифу находится во власти змѣя, образомъ синяго моря: къ синему морю (или къ Дунаю) ведетъ поить коня мать Өеодора, изъ за моря налетаетъ на нее змѣй; освободителю приходится идти за море, и народная фантазія приготовила ему чудовищный мостъ, кита, какъ въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ (Аөанасьевъ № 173) такой-же китъ лежитъ черезъ все море, а по немъ, какъ по мосту, переправляются и конные и пѣшіе.

Слѣдуетъ замѣтить, что духовный стихъ ничего не знаетъ о «залеганіи» змѣемъ воды или источника, оттого онъ не могъ воспользоваться той чертой апокрифа, что по умерщвленіи змѣя *вода* потекла первымъ путемъ, *яко рѣка велика*. Мы видѣли, что русскій стихъ обратилъ ее въ кровавый потопъ; стиху-же принадлежитъ подробность, что Өеодоръ выноситъ свою мать на головѣ, на темени.

И въ апокрифѣ и въ стихѣ Ѳеодоръ побиваетъ сначала малыхъ змѣевъ; «змѣиже великіи не бяше ту, но въ тее поры на поли ловы деющи . . . . и принесъ два отрока и .г. елени»; отроковъ для того, чтобы было съ кѣмъ бесѣдовать похищенной красавицѣ, поясняетъ греческій текстъ. Слѣдуетъ и въ стихѣ и въ книжномъ чудѣ битва съ великимъ змѣемъ. Интересно, какъ распорядился русскій стихъ съ эпизодомъ объ отрокахъ—юношахъ. Въ глубокихъ пещерахъ Ѳеодоръ увидѣлъ свою мать,

Сосутъ ее двое юноши,
Двое юноши, двое змѣятушки (№ 121)

или просто двѣнадцать змѣнышей (№ 122), которыхъ Ѳеодоръ и убиваетъ, тогда какъ въ апокрифѣ онъ возвращается съ побѣды «съ матерію своею и со двѣма *юношема*». Эти юноши не связываютъ-ли нашъ духовный стихъ съ первообразомъ русскихъ книжныхъ пересказовъ чуда?

Стихъ кончается, какъ мы видѣли, извѣстнымъ пожеланіемъ Ѳеодора о чествованіи его на первой недѣлѣ поста.—Иначе апокрифъ: царь радуется побѣдѣ Ѳеодора «и постави его въ первомъ сану». Когда тотъ царь умеръ, Ѳеодоръ переходитъ въ другой городъ, не названный въ греческомъ текстѣ, въ русскомъ обозначенный именемъ: Пенти Ирахлія, т. е. Гераклея. Здѣсь при Ликиніи царѣ усѣкновенъ былъ Ѳеодоръ, говорятъ русскіе пересказы чуда «святаго Ѳеодора *Тирона*», обличая тѣмъ самымъ его смѣшеніе съ Ѳеодоромъ Стратилатомъ, пострадавшимъ при Ликиніи и именно въ Гераклеѣ, тогда какъ св. Ѳеодоръ Тиронъ пострадалъ при Максиміанѣ. Такъ и названъ царь-мучитель греческаго чуда.

Подобное-же колебаніе обнаруживается и при имени царя, при которомъ совершились богатырскіе подвиги Ѳеодора, и въ географической обстановкѣ легенды. Въ двухъ извѣстныхъ намъ русскихъ спискахъ XVI вѣка имя царя — Уалентъ (въ спискѣ XVII в.: Василій): царствуетъ онъ въ афуньстѣмъ, афунѣйстѣмь

или-же аѳиньстѣмъ (ркп. XVII в.) градѣ; Ѳеодоръ живетъ въ Андріокіи. Если разумѣется Андріокія нашей лѣтописи, Ἀδριακὴ ἐξ ἧς τὸ Ἀδριακὸν πέλαγος (Хрон. Георгія Амартола, изд. Муральта, стр. 40), то мѣсто дѣйствія, обозначенное такимъ образомъ въ первыхъ строкахъ, перенесено на западъ, въ противорѣчіи съ дальнѣйшей географіей чуда. Нѣтъ-ли здѣсь попытки внѣшняго пріуроченія, вызванной какими-нибудь мѣстными отношеніями? Почитаніе св. Ѳеодора въ Венеціи восходитъ въ глубокую древность; съ XIII вѣка его мощи покоятся въ городѣ, считающемъ его своимъ покровителемъ.

Русскій стихъ не даетъ указаній на географію своего источника: его Іерусалимъ или Константиновъ градъ такъ-же чередуются въ пересказахъ и такъ-же неопредѣленно-типичны, какъ и въ былинахъ.— Другое дѣло греческій текстъ: его кругозоръ опредѣленно-восточный; городъ не названъ, Ѳеодоръ подвизается при *благовѣрномъ царѣ Самуилѣ.* Съ точки зрѣнія русскаго духовнаго стиха Ѳеодоръ былъ бы сыномъ этого Самуила.

Русскія былины знаютъ про царя Самуила, хотя искажаютъ его имя по пріемамъ, знакомымъ намъ изъ стиха о Ѳеодорѣ: какъ отецъ его прозывается то *Самойловичъ*, то Сауйловичъ (т. е. Самуиловичъ), такъ въ былинахъ (Кирѣевскій, Пѣсни вып. 3 стр. 113 — 124, № 1 и 2) *Самуилъ* является искаженнымъ въ *Саулъ* и Сауръ: его звать по отчеству Леванидовичъ; можетъ быть: сынъ Леона, Льва? Онъ царитъ въ царствѣ Альіберскомъ — или Астраханскомъ; отправляется въ долгій путь «въ дальну орду, въ Половецку землю», либо подъ три царства: Латинское, Литвинское и *Сарочинское.* По одной редакціи былины (Кир. 1. с. № 1) Сарацины берутъ его въ плѣнъ, садятъ въ земляную тюрьму. Въ его отсутствіи его жена родитъ ему сына, юнаго богатыря, который на девятомъ или десятомъ году выѣзжаетъ искать отца и совершаетъ геройскіе подвиги въ Сарочинской землѣ. Имя ему въ одномъ пересказѣ былины: Константинушка Сауловичъ, и Константиномъ же Сауйловичемъ или Самойловичемъ названъ въ

стихѣ отецъ Ѳеодора, богатыря двѣнадцатилѣтка, побивающаго жидовскую, т. е. первоначально, сарацинскую рать.

Эти совпаденія вызываютъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ генеалогій въ былинахъ о Саулѣ и въ стихѣ о Ѳеодорѣ. Гипотезы представляются различныя.

Если допустить, что авторъ русскаго стиха имѣлъ передъ собой текстъ легенды съ именемъ царя Самуила и связалъ его съ Ѳеодоромъ отношеніями отца къ сыну, то мы ожидали бы встрѣтить ихъ отраженіе въ стихѣ: Ѳеодоръ явился бы сыномъ Самуила, Саула или Саура; между тѣмъ, онъ названъ его внукомъ. сыномъ Константина Сауйловича. Кому принадлежитъ внесеніе этого имени: былинѣ или стиху? Пока не найдено греческое чудо о Ѳеодорѣ съ такимъ именно личнымъ пріуроченіемъ, перевѣсъ вѣроятности остается на сторонѣ былины: творцу стиха могло показаться естественнымъ дать въ отцы Ѳеодору такого же богатыря, проявившаго съ юныхъ лѣтъ свою силу въ борьбѣ съ невѣрными. Вѣское противорѣчіе такому рѣшенію можетъ основаться на томъ обстоятельствѣ, что лишь въ *одной* былинѣ о Саулѣ его сынъ названъ Константиномъ и что такой единичный случай проще всего истолковать обратнымъ перенесеніемъ имени изъ стиха, гдѣ оно обезпечено нѣсколькими пересказами, въ былину, стоящую одиноко. Противъ такого заключенія можно замѣтить, что былинъ о Саулѣ сохранилось всего двѣ, и что имя Константина, встрѣчающееся въ одной изъ нихъ, получаетъ для критики совершенно иное значеніе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы былина съ его именемъ являлась одиночной, среди многихъ, его не знающихъ.—Съ другой стороны предложенное мною рѣшеніе ничуть не связываетъ изслѣдованіе, которое пришло бы къ болѣе точнымъ результатамъ, опредѣленнымъ новыми, вновь раскрытыми данными. Пока мы можемъ успокоиться на такихъ результатахъ: и въ отрывкахъ греческаго духовнаго эпоса, разсказывавшихъ о подвигахъ Ѳеодора, и въ небольшомъ циклѣ русскихъ былинъ извѣстно было имя благовѣрнаго царя Самуила. Источника этихъ былинъ слѣдуетъ, стало быть, искать на почвѣ,

на которую я указывалъ не разъ и къ которой мнѣ не разъ еще придется вернуться; на почвѣ византійскаго эпоса [1]).

За исправленіе слѣдующаго далѣе греческаго текста приношу благодарность проф. Г. С. Дестунису. Лишь немногія поправки (отмѣченныя буквою В) принадлежатъ мнѣ, остальными примѣчаніями я обязанъ его содѣйствію.

Θαῦμα καὶ διήγησις τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγάλου μάρτυρος Θεοδώρου τοῦ Τύρωνος περὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ τῆς αἰχμαλωτισθείσης ὑπὸ τοῦ δράκοντος.

Ὅσοι μὲν εἰς τὸν φιλάνθρωπον θεὸν τὰς ἐλπίδας ἐκτιθέμενοι, καὶ τὴν ἀρχὴν τῆς πίστεως ἐν προσευχῇ ἀποπληροῦντες, καθ᾽ ἑκάστην ἡμέραν τὰς δεήσεις μὴ ἐκλειπέτωσαν, καὶ πάσης μὲν τῆς προσδοκούσης καὶ προκειμένης ἡμέρας τοῦ μάρτυρος θεασάμενοι τὴν ἀκοὴν καὶ τὸ ὄμμα ἐκκλίνωμεν ἐπὶ τοῖς ἐνδοξοτάτοις αὐτοῦ θαύμασιν τοῖς περὶ τοῦ δράκοντος γενομένοις. Ἐγένετο γὰρ κατὰ τοῖς καιροῖς [2]) ἐκείνοις τοῦ πιστοτάτου σαμουὴλ βασιλεύοντος, ἐγράφη ἐν τῇ στρατολογίᾳ στρατιώτης εὐθαλὴς καὶ εὐγενὴς τῷ γένει, ἀήττητος τῆς ἀνδρείας, ἠγαπημένος πάμπολλα ὑπὸ τοῦ βασιλέως, τοὔνομα θεόδωρος. ἐν δὲ τῇ πόλει ἐκείνῃ καὶ τῇ χώρᾳ ἐν ᾗ κατῴκει ὁ βασιλεὺς ἀπεκρατεῖτο ὕδωρ ὀλίγον καὶ κατεκυριεύετο ὑπὸ δεινοτάτου δράκοντος. κατὰ καιρὸν δὲ ἔδιδεν αὐτῷ ὁ βασιλεὺς θυσίας ταύρους δώδεκα καὶ κριοὺς εἴκοσι πέντε καὶ ἄλλα τιμὰ [3]) βρώματα. καὶ οὕτως ἀπέλυεν τὸ ὕδωρ καὶ ἐποτίζετο ὁ λαὸς καὶ τὰ κτήνη τῆς πόλεως ἐκείνης. μιᾷ δὲ τῶν ἡμερῶν ὕπνωσεν ὁ βασιλεὺς καὶ ἐνυπνιάσθη, καὶ ὡς εἶδεν τὸ ἐνύπνιον ἐφοβήθη λίαν. καὶ ἀναστὰς τῷ πρωῒ καὶ πέμψας τὸν θεόδωρον, ἐψήφησεν τὴν στρατολογίαν αὐτοῦ ἐν τάχει. καὶ μετὰ τοῦτο συναχθέντες, ἐποίησεν ὁ βασιλεὺς

---

[1]) Сл. пока первую главу моихъ Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Archiv f. slav. Philologie III.

[2]) Ркп. καιριοῖς. Дат. падежи вѣроятно принадлежатъ писцу.

[3]) Ркп. τιμὰ, въ смыслѣ: цѣнный, дорогой, оставляемъ безъ измѣненія.

δοχὴν [1]) μεγάλην καὶ ἐκάλεσεν τοὺς ἄρχοντας τῆς πόλεως ἐκείνης. καὶ λέγει αὐτοῖς· εἶδον ἐν ἐνυπνίῳ μου, ἄρχοντές μου, ἄνθρωπον ἄζωστον [2]) καὶ ἀμαλὴκ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κρατῶντα ῥομφαίαν καὶ ἐν τῇ ἑτέρα χειρὶ ἐσπασμένον μάχαιραν, καὶ ἄλλοι τινὲς μετ᾽ αὐτοῦ. ὁ δὲ πρῶτος ἐπέβη μοι καὶ κατέσφαξέ με. καὶ οὐκ ἐφείσατο τῆς βασιλείας [3]) μου. καὶ ἀποκριθέντες οἱ ἄρχοντες εἶπον· ἡμεῖς, δέσποτα, τὸν τοιοῦτον ἄνθρωπον οὐκ οἴδαμεν, οὔτε γνωρίζομεν αὐτόν. καὶ ἀποκριθεὶς ὁ βασιλεὺς εἶπεν· μὰ τὸν βασιλεύοντά με θεόν. εἰ οὐκ εὑρεθῇ ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ἀπερρήσω [4]) τὴν βασιλείαν μου καὶ διωχθῶσιν οἱ ἄρχοντές μου καὶ τὰ στρατεύματά μου καταπέσουσιν. ἰδὼν δὲ ὁ θεόδωρος τὸν βασιλέα λυπούμενον καὶ τοὺς ἄρχοντας τοῦ δήμου, λέγει πρὸς τὸν λαόν· ὁ βασιλεὺς ἐστράτευσεν ἡμᾶς, ἀντὶ δὲ αὐτοῦ ἡμεῖς ἀποθάνωμεν, ὁ δὲ αὐτὸς ζήσεται. καὶ ταῦτα εἰπὼν ὁ θεόδωρος ἀναστὰς τῷ πρωὶ ἔλαβεν τὸν ἵππον αὐτοῦ τὸν πρῶτον. καὶ ἐνδυσάμενος τὴν πολεμικὴν αὐτοῦ στολὴν καὶ τὸ ἅρμα αὐτοῦ, διέδραμεν εἰς τὰ ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντα. καὶ τὸν ζητούμενον ὑπὸ τοῦ βασιλέως οὐχ εὗρεν. καὶ μετὰ πολλὰς ἡμέρας ἦλθεν εἰς τὴν συρίαν καὶ ἤγγισεν εἰς μαῦρον ὄρος σκοτεινὸν καὶ διέβη αὐτό. καὶ εἰσῆλθεν εἰς ἔρημον τόπον καὶ εὗρεν ἐκεῖ διωρυγμένην γῆν καὶ παρ᾽ ἀφανῶν [5]) κεκλεισμένην. καὶ ἐρευνήσας εὗρεν ἐκεῖ ἄμφοδον καὶ εὗρεν σαρακηνοὺς ὡσεὶ (ἄνδρας τεσσαράκοντα καὶ γυναῖκας ὀγδοήκοντα καὶ) [6]) παῖδας ἑκατόν. καὶ ὡς εἶδεν αὐτοὺς ὁ θεόδωρος, συνέδησεν αὐτοὺς εὐθὺς καὶ στραφεὶς διώδευσεν εἰς τὰ ἔθνη. καὶ φέρων αὐτοὺς ἦλθεν εἰς γῆν τῶν ῥωμαίων ἔνθα ἀνέκειτο ὁ βασιλεύς. ἀκούσας δὲ ὁ βασιλεὺς ὅτι ὁ θεόδωρος ἔρχεται, ἐπάρας τὰ στρατεύματα

---

[1]) Въ русскихъ текстахъ: гоненіе. В. Δοχὴν принято ими быть можетъ за δίωξιν.

[2]) Въ русскихъ текстахъ далѣе: опоясався.

[3]) Ркп. τὴν βασιλείαν μου. Но ниже ст. 20 ἐφείσω съ род.

[4]) ἀπερρήσω собственно: я погибну; здѣсь: я утрачу.

[5]) Ркп. παρὰ φάνων, читаемъ: παρ᾽ ἀφανῶν; ἀφάνα = σχίνδαψος; новогреческое ἀφάνα; Spartium scorpius, Poterium spinosum. Въ славянскомъ переводѣ: китою затченъ; кыта = ramus. В. — Ἀφάνα, φυτὸν ἀγκαθερὸν, ἴσως ὁ ἐχινόπους, chardon étoilé. Λεξικὸν τῆς καθ᾽ ἡμᾶς ἑλλ. διαλ. Σκαρ. Δ. Βυζαντίου. Ἀθ. 1835. Не чертополохъ-ли звѣздчатый, centaurea calcitropa? Д.

[6]) Возстановляемъ такъ по славянскому переводу и слѣдующимъ далѣе указаніямъ греческаго текста. В.

αὐτοῦ ὑπήντησεν αὐτὸν μακρόθεν. καὶ ὡς εἶδεν ὁ βασιλεὺς τοὺς σαρακηνούς, ἐγνώρισε καὶ τὸν ἀλλόφυλον καθὼς ἐν τῷ ἐνυπνίῳ αὐτοῦ ἑώρακεν. καὶ λέγει πρὸς τοὺς ἄρχοντας· μὰ τὸν βασιλεύοντά με θεόν, οὗτος με τῇ νυκτὶ ἔσφαξεν καὶ οὐκ ἐφείσατο τὴν βασιλείαν μου. καὶ ἐκέλευσεν εὐθέως τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἀποτμηθῆναι καὶ τοὺς ἐννέα φονευθῆναι καὶ τοὺς τριάκοντα βληθῆναι ἐν τῇ φυλακῇ καὶ τὰς γυναῖκας πραθῆναι εἰς δούλας. καὶ περιχαρὴς γενόμενος ὁ βασιλεὺς τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἠμέλησεν τὸν δράκοντα καὶ τὴν θυσίαν αὐτοῦ οὐκ ἔδωκεν. καὶ ἐκράτησε τὸ ὕδωρ. καὶ ἦσαν ὁ λαὸς τῆς χώρας λυπούμενοι [1]) ἀπὸ τοῦ ὕδατος. ἡ δὲ ἁγία μήτηρ τοῦ θεοδώρου ἰδοῦσα τοὺς ἵππους αὐτοῦ διψῶντας σφόδρα, ἦρεν τὸν ἵππον αὐτοῦ τὸν πρῶτον καὶ τὸ σάλβαστρον [2]) ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς. καὶ ἐπορεύθη εἰς τὴν πηγήν. ὁ δὲ τόπος ἔνθα ἐστὶν ἡ πηγὴ ἐστὶν φρικτὸς καὶ φοβερός, ἔχων τρώγλας καὶ σχίσματα [3]). καὶ ἑρπετῶν ἀναριθμήτων εἰσόδους καὶ ἐξόδους. καὶ ὅτε προσῆλθεν πρὸς τὴν πηγὴν ἡ μήτηρ τοῦ ἁγίου θεοδώρου, ἰδοῦσα τὸν τόπον ἄγριον ἐδειλίασεν. καὶ πάλιν ῥιψαμένη τὴν γυναικήσιαν [4]) στολὴν καὶ ἐνδυσαμένη ἀνδρείῳ φρονήματι, ὥρμησεν πρὸς τὴν πηγήν. κατελθοῦσα δὲ κάτω εἶδεν ὕδωρ ὀλίγον, καὶ δήσας τὸν ἵππον πρὸς τὴν πηγὴν εἰσῆλθεν κάτω. καὶ λαβὼν ὕδωρ ἐξῆλθεν καὶ ἐπότιζε τὸν ἵππον. ἰδὼν δὲ ὁ δράκων τὴν κόρην ὡραίαν τῇ ἡλικίᾳ καὶ εὐμορφοειδῆ τὴν ὄψιν καὶ πάγκαλον πάνυ, ἠβουλήθη ἁρπάσαι αὐτήν. εἰσελθοῦσα δὲ ἐκ τρίτου εἰς τὴν πηγήν, ἔστη ὁ δράκων μέσον τῆς θύρας συρίζων. καὶ ἀκούσασα ἡ κόρη τὸν συρισμὸν τοῦ δράκοντος, ἀπὸ τοῦ φόβου ῥίψασα τὸ σάλβαστρον πρὸς τὴν πηγὴν καὶ ἀτενίσασα πρὸς αὐτὸν εἶδεν τὴν ὅρασιν αὐτοῦ. καὶ οὐκ ἦν φωνὴ καὶ οὐκ ἦν ἀκρόασις ἐν αὐτῇ. ἀλλ᾽ ἐγένετο ὡσεὶ νεκρά. καὶ λαβὼν αὐτὴν ὁ δράκων ἤγαγεν εἰς τὸ

---

[1]) По смыслу можно бы ожидать: λειπόμενοι, т. е. лишены воды, а не λυπούμενοι, печальны.

[2]) Трижды въ текстѣ; вѣроятно, искажено изъ ἀλάβαστρον, сосудъ.

[3]) Ркп στρογλὰς καὶ σχίματα: норы и трещины. Д.—Въ славянскомъ переводѣ: стругы и пропасти. Съ рукописнымъ στρογλὰς сл. στρουγαί, bulgarica lingua: fossae, stagna, vivaria, in quibus delitescunt pisces. Miclos. Lex. a. v. строуга. В.

[4]) Ркп. γυναικεῖσαν; читаемъ: γυναικήσιαν новогреч. либо γυναικείαν.

σπήλαιον πρὸς τὴν φωλέαν αὐτοῦ. καὶ ἠσφάλισε αὐτήν τὴν πύλην. τινὲς δὲ τῶν οἰκετῶν εἰσῆλθον ζητοῦντες αὐτήν, καὶ μηδὲν εὑρόντες, ἀλλὰ τὸν ἵππον εὑρόντες ἔξω δεδεμένον καὶ τὸ σάλβαστρον πρὸς τὴν πηγήν, ἐπιστώθησαν ὅτι ἡρπάγη ὑπὸ τοῦ δράκοντος. καὶ ἐπέστρεψαν εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς κλαίοντες. ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεόδωρος ἦν ἐν τῷ παλατίῳ. καὶ πληρώσας τὸ πρόσταγμα τοῦ βασιλέως, ἦλθεν εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ. καὶ εὑρὼν τὴν ἀναίρεσιν τῆς μητρὸς αὐτοῦ, ἐπυνθάνετο περὶ αὐτῆς. καὶ λέγουσιν αὐτῷ οἱ οἰκέται αὐτοῦ, ὅτι (ἡ)[1] μήτηρ σου καὶ κυρία ἡμῶν ἡρπάγη ὑπὸ τοῦ δράκοντος καὶ οὐδεὶς εἶδεν τί γέγονεν. καὶ ταῦτα ἀκούσας ὁ μακάριος θεόδωρος κλαίων καὶ ὀδυρόμενος ἔλεγεν· οἴμοι, μήτερ ἐμή. οὐδεὶς ἐβοήθησέ σοι ἐν τῇ ὥρα ἐκείνῃ, ἵνα ἴδῃ τὸ δεινὸν θηρίον ἐρχόμενον ἐπὶ σοί. πῶς ἡσύχασας θεωρῆσαι τὰ μέλη σου μελιζόμενα καὶ τὰς σάρκας σου δαπανουμένας. πῶς ἐχωρίσθης τῆς ἀγαθῆς σου ψυχῆς χωρὶς ἀγγέλου, μήτερ μου, μὴ κελεύοντος θεοῦ. οἴμοι, μήτερ ἐμή, οὐκέτι ὄψομαι τῆς θεωρίας σου, οὐκέτι περιπλακῶσι με αἱ ἅγιαι ἀγκάλαι σου. καὶ ταῦτα εἰπὼν ὁ μακάριος θεόδωρος κλαίων ἡσύχασεν. καὶ ἀναστὰς τῷ πρωὶ ἔλαβεν τὸν ἵππον αὐτοῦ τὸν πρῶτον, καὶ περιζωσάμενος τῷ ἅρματι[2]) αὐτοῦ, ἀπῆλθε πρὸς τὴν πηγὴν τοῦ πολεμῆσαι τὸν δράκοντα. καὶ ἐδηλώθη ὁ λόγος πρὸς τὸν βασιλέα. καὶ ἐπάρας τὴν τάξιν αὐτοῦ ἀπῆλθε πρὸς τὸν θεόδωρον πρὸς παραμυθίαν αὐτοῦ λέγων πρὸς αὐτόν· τέκνον θεόδωρε, τὸ οὐκ ἰσχύεις πληρῶσαι μὴ βουληθῆς ἄρξασθαι μήτε πολεμήσης[3]). ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεόδωρος λέγει πρὸς τὸν βασιλέα· οἶδας, δέσποτα, ὅτι εἰς πάντα τὰ ἔθνη ὅπου με ἀπέστειλας συνεργοῦντος καὶ θέλοντος τοῦ θεοῦ καὶ σοῦ ἐπαινέσει ἀνδρείως ἐπολίτευσα. ἐπὶ δὲ τὴν ὀδύνησιν τῆς μητρός μου ἐν ᾗ ἐχωρήθην εἰς τὴν κοιλίαν αὐτῆς, καὶ ὀδυνήσας ἔτεκέ με ἐκ τῶν σπλάγχνων αὐτῆς, καὶ ἔδωκέν μοι γάλα θηλάσαι, καὶ πολλὰ κοπιάσασα δι' ἐμὲ, ἵνα ἐν καιρῷ γήρους διατηρῶ αὐτὴν ἀπὸ παντοίων πειρασμῶν. καὶ οὐ μὴ ἐγκαταλίπω αὐτὴν εἰς τὰς

---

1) ἡ вставлено.

2) Черезъ чуръ смѣлый оборотъ; нѣтъ ли начатковъ смѣшенія словъ ἅρμα, колесница, и ἅρματα, оружіе.

3) Ркп. βουληθεὶς, πολεμήσεις.

χεῖρας τοῦ δεινοῦ θηρίου. ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει πρὸς αὐτόν· οἶδα, τέκνον θεόδωρε, ὅτι εἰς πάντα τὰ ἔθνη ὅπου σὲ ἀπέστειλα ἀνδρείως ἐπολέμησας, ὅτι ἔχεις βραχίονα ὑψηλὸν καὶ νοῦν ἀσάλευτον καὶ ἅρματα ἐκλεκτὰ καὶ ἵππους καλοὺς καὶ στρατίωτας μετὰ σοῦ καὶ νικᾶς [1]. ἐπὶ δὲ τὴν πύλην [2]) ταύτην ἣν βούλεσαι διωδεῦσαι τὴν στενὴν καὶ ματαίαν ὁδὸν τοῦ δράκοντος οὐκ ἔστι πως σαλεῦσαι ὀρθῶς, οὔτε ἅρμα γυρίσαι. ἀλλὰ τῷ στήθει [3]) καὶ τῇ κοιλίᾳ πορεύσει. τί εὑρήσεις ἔμπροσθέν σου κτενεῖν καιρίαν; ἀλλὰ καὶ ὁ δράκων ἐάν σε ὄψηται [4]), ὁ ὀφθαλμὸς αὐτοῦ καταλύει τὸ φῶς σου, ὅτι ἐστὶν τὸ εἶδος αὐτοῦ φρικτὸν καὶ φοβερὸν καὶ τρομάξουσιν [5]) αἱ χεῖρες [6]) σου καὶ οὐχ ἕξεις [7]) αὐτῷ τί ἐργάσασθαι. ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεώδορος λέγει πρὸς τὸν βασιλέα· μή με δειλίνης, δέσποτα. ἐγὼ δοκιμάζω καὶ συμβάλλω, καὶ ἐὰν ἴδω ὅτι νικῶ αὐτόν, ἐπὶ πλεῖον χαρήσεται ἡ ψυχή μου. εἰ δὲ θεωρήσω ὅτι νικᾷ με, ἀφίνω αὐτὸν καὶ χωρίζομαι. λέγει αὐτῷ ὁ βασιλεύς· καλὴ βουλὴ ἥνπερ [8]) βούλεσαι, θεόδωρε, ἀλλ' ὁ ἐχθρὸς πολεμούμενος ἐὰν οὐκ ἰσχύῃ καὶ ὑπερβαίνῃς [9]) αὐτόν, τότε δέχεται εἰρήνην. εἰ δὲ ἴδῃ ὅτι νικᾷ σε, εἰρήνην οὐ δέχεται. ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεόδωρος λέγει πρὸς τὸν βασιλέα· μή με δειλίνης, δέσποτα, ἀλλὰ σοὶ λέγω· τὸν οἶκον μου ἐν ἀγαθοῖς κυβέρνησον, τὰ οἰκήματά μου καὶ τὰ χρήματά μου δὸς χήραις καὶ ὀρφανοῖς, καὶ τοὺς δούλους μου ἐλευθέρωσον, τοὺς ἵππους μου πώλησον, καὶ τὰς ἀπαρχὰς τοῦ οἴκου μου μοίραν δὸς πᾶσιν. τὰ δὲ ὅπλα τοῦ πολέμου μου ἃς ἔχῃ [10]) ἡ βασιλεία σου. καὶ τὸ πρῶτον σάββατον τῶν ἁγίων νηστειῶν ἐπιτέλεσον γενέσθαι ἐπὶ τοῦ ὀνόματός μου. καὶ ταῖς εὐχαῖς σου συναπόλυσόν με καὶ μὴ δειλίνης με, δέσποτα.

---

[1]) Ркп. νικάς: либо νίκας въ зависимости отъ ἔχεις, либо νικᾶς.
[2]) Ркп. πώλην В.
[3]) Ркп. στῆθι.
[4]) Ркп. ὄψεται.
[5]) Ркп. τρομάξωσιν.
[6]) Ркп. χείραι.
[7]) Ркп. ἔχεις.
[8]) Ркп. ἥπερ.
[9]) Ркп. ὑπερβαίνει. В.
[10]) Ркп. ἔχει.

ἰδὼν δὲ ὁ βασιλεὺς τὸ ἀμετάθετον [1]) τῆς καρδίας αὐτοῦ, ἔκλινεν τὰ γόνατα κατὰ ἀνατολὰς λέγων· κύριε ὁ θεός, ὁ συνοδεύσας τοὺς θεράποντάς σου ἰακὼβ καὶ ἰωσὴφ μέλλοντας εἰσελθεῖν εἰς αἴγυπτον, καὶ κράτος τῆς βασιλείας αὐτῶν ἔδωκας, αὐτὸς δέσποτα κύριε ὁ θεός, ὁ τῶν ἀπεγνωσμένων βοηθὸς καὶ λυτρωτὴς τῶν κινδυνευόντων καὶ φωτισμὸς τῶν ἐσκοτισμένων, ἐπάκουσον τῆς δεήσεώς μου τοῦ ἁμαρτολοῦ καὶ ἀναξίου δούλου σου, καὶ βοήθει τὸν δοῦλον σου θεόδωρον, καὶ ῥῦσαι καὶ διάσωσον αὐτὸν ἀπὸ πειρατηρίου καὶ ἀπὸ πάσης ὀργῆς τοῦ ἀντικειμένου. καὶ κέλευσον αὐτὸν ἐν ὑγεία καὶ σωτηρία ἐλθεῖν πρὸς ἡμᾶς. καὶ τῆς ἐπουρανίου σου βασιλείας ἀξίωσον γενέσθαι. καὶ μετὰ τὸ πληρῶσαι ὁ βασιλεὺς τὴν εὐχήν, λέγει πρὸς αὐτόν· τέκνον θεόδωρε, μὴ δώης εἰς σάλον τὸν πόδα σου, μηδὲ [2]) νυστάξῃ ὁ φυλάσσων σε. ἰδοὺ οὐ νυστάξει οὐδὲ ὑπνώσει κύριος ἐπὶ σκέπῃ σου. καὶ φυλάξει τὴν ψυχήν σου ὁ κύριος, κύριος φυλάξει σε ἀπὸ παντὸς κακοῦ. ὕπαγε, λέγω σοι, θεόδωρε. κύριος ὁ θεὸς γένοιτό σοι βοηθός. καὶ κλίνας ὁ στρατιώτης τὰ γόνατα ἐδέξατο τὴν εὐχὴν παρὰ τοῦ βασιλέως, καὶ εἶπεν· ἡ βοήθειά μου παρὰ κυρίου τοῦ ποιήσαντος τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. καὶ ὡς εἰςῆλθε πρὸς τὸ σπήλαιον ὁ μακάριος θεόδωρος, ἀπῆλθεν ὁ βασιλεὺς πρὸς τὴν πύλην τοῦ σπηλαίου. καὶ ἐκάθητο τρεῖς ἡμέρας. καὶ τρεῖς νύκτας ἐκδεχόμενος τὸν στρατιώτην. καὶ μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἀμεριμνήσας ἀνεχώρησεν ἐν τῷ παλατίῳ. περίλυπος δὲ γενόμενος ὁ βασιλεὺς περὶ τοῦ στρατιώτου καὶ προσκαλεσάμενος τοὺς ἱερεῖς καὶ τοὺς ἐνδόξους τοῦ παλατίου λέγει πρὸς αὐτούς· δεῦτε πάντες πρεσβύτεροι καὶ ἀδελφοὶ ποιήσωμεν δέησιν πρὸς τὸν θεόν, ὅπως ῥύσηται τὸν στρατιώτην ἐκ τοῦ δεινοῦ θηρίου, ὃ ἐγὼ κακῶς καὶ ἀφρόνως ἀπέλυσα. ὁ δὲ θεόδωρος εἰσῆλθεν εἰς τὸ ἐσώτερον σπήλαιον εἰς τὴν φωλέαν τοῦ δράκοντος. καὶ εὗρεν τὴν μητέρα αὐτοῦ ὡς κόρην ἐπὶ δίφρου καθεζομένην. καὶ δώδεκα ὄφεις [3]) κύκλῳ αὐτῆς. καὶ ἀσπίδα μιαρὰ ἔκειτο ἔμπροσθεν αὐτῆς. καὶ ὁ γέρων δράκων ἐκάθητο ἐπὶ θρόνου χρυσοῦ. καὶ ἕτερα ἑρπετὰ μικρὰ μετὰ μεγάλων ἦσαν φυλάσσοντα

---

[1]) Ркп. ἀνετάθετον.

[2]) Ркп. μηδέν.

[3]) Ркп. ὄφεοι, bis, но далѣе ὄφεις.

τὴν κόρην. καὶ ἰδὼν αὐτὰ ὁ Θεόδωρος ἐδειλίασεν. καὶ πάλιν θεασάμενος τὸ κάλλος τῆς μητρὸς αὐτοῦ, ἐβουλήθη αὐτὴν περιπτύξασθαι. καὶ κινηθεὶς [1]) πρὸς αὐτήν, ἐταράχθησαν οἱ ὄφεις κατ᾿ αὐτοῦ καὶ ἔβρυχον [2]) ἐπάνω αὐτοῦ. καὶ ἡ μιαρὰ ἀσπὶς ἐσύριζεν καὶ ἐδάφιζεν (?) τὰ χείλη αὐτῆς [3]). καὶ ὁ γέρων ἐτανύθη ὥστε μηκέτι τὸν ἄνθρωπον αὐτὸν θεωρῆσαι. καὶ τὰ μικρὰ ἕκαστον κατὰ τὴν πονηρίαν αὐτῶν ἤθελον αὐτὸν καταπιεῖν ζῶντα. ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεόδωρος ἰδὼν τὸν ὄχλον τῶν ἑρπετῶν ἐδειλίασεν καὶ ηὔχετο λέγων· κύριε ὁ θεός, ὁ τὰ πάντα ἐπιστάμενος, μὴ ἐγκαταλίπῃς [4]) με, ἄναρχε, ἀόρατε, ἀκατάληπτε, ἀπερίγραπτε, ὁ πεδήσας τὴν θάλασσαν τῷ προστάγματί σου, καὶ δώσας αὐτῇ ἑρπετὰ ὧν οὐκ ἔστιν ἀριθμὸς καὶ δράκοντα ὃν ἔπλασας ἐμπαίζειν αὐτά. ἐπίβλεψον ἐπὶ τὴν δέησίν μου καὶ ἐνίσχυσον τὸν βραχίονά μου. καὶ δὸς δύναμιν (εἰς) [5]) τὰς χεῖρας μου. κράτυνον τὴν δεξίαν μου καὶ στερέωσον τὴν καρδίαν μου, ἵνα μὴ αἰσχυνθῶ, ἵνα τροπώσωμαι τοὺς ἰοβόλους καὶ δεινοὺς καὶ μιαροὺς δράκοντας, ἵνα δοξασθῇ τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον, κύριε. καὶ ἐκτείνας τὴν ῥομφαίαν αὐτοῦ, ἐφόνευσε τοὺς δώδεκα ὄφεις, καὶ τὴν ἀσπίδα ἀνήλωσεν, καὶ τὸν δράκοντα ἀπέκτεινεν καὶ πᾶσαν τὴν στρατολογίαν αὐτοῦ. ὁ δὲ μέγας δράκων οὐκ ἦν ἔσω, ἀλλ᾿ ὑπῆρχεν ἔξω τοῦ κυνηγῆσαι. καὶ περιπλακεὶς ὁ θεόδωρος τὴν μητέρα αὐτοῦ, χαίρων κατεφίλει αὐτὴν λέγων· δεῦρο, κυρία μου μήτηρ, ἐξέλθωμεν ἐκ τοῦ ἐδάφους τούτου καὶ ῥυσθῶμεν ἐκ τοῦ ᾅδου τὰς χεῖρας. καὶ λέγει πρὸς αὐτὸν ἡ μήτηρ αὐτοῦ· οἴμοι γλυκύτατόν μου τέκνον. πῶς ἐτόλμησας ἐλθεῖν ἐνθάδε. πῶς οὐκ ἐφείσω τῆς νεότητός σου καὶ παρεδόθης εἰς θάνατον δι᾿ ἐμέ. καὶ καλὸν εἶχον πρὸ τοῦ σε ἐλθεῖν ἐνθάδε εἰ εἶχα ἀποθανεῖν, ἵνα μὴ θεωρήσω τὴν πανεύδιόν σου καὶ ὡραίαν ἡλικίαν πρὸ τοῦ στόματος τοῦ μιαροῦ κλοθουμένην, καὶ τὸ αἷμα σου ὑπὸ τὰ χείλη αὐτοῦ λείχεσθαι. καὶ ἔτι λαλούντων παρέστη

---

[1]) Ркп. κινηθᾶς.

[2]) Ркп. εὔρυχον; чит. ἔβρυχον, что, впрочемъ, говорится о ревѣ звѣре (о львѣ и т. п.), не о змѣяхъ.

[3]) Въ слав. переводѣ: и облизающи° устнѣ свои. В. Быть-можетъ ἐλίχμαζεν. Д.

[4]) Ркп. ἐγκραταλίπεις.

[5]) Εἰς вставлено.

καὶ ὁ μέγας δράκων καὶ ἔστη εἰς τὴν θύραν συρίζων. τὸ δὲ εἶδος αὐτοῦ φοβερὸν καὶ φρικτὸν πάνυ, τὸ γὰρ μῆκος αὐτοῦ ὑπῆρχεν πηχέων δώδεκα, ἔχων [1]) τρεῖς κεφαλὰς καὶ κρατῶν παῖδας δύο καὶ τρεῖς ἐλάφους πρὸς τὸ συγκαθίσαι τὰ παιδία σὺν τῇ κόρῃ ἵνα ἀπόκρισιν δίδωσιν αὐτῇ. καὶ συγκύψας ὁ μιαρὸς δράκων καὶ ἰδὼν τὸν οἶκον αὐτοῦ ἐγκαταλειμμένον καὶ τὸν στρατιώτην ἱστάμενον κρατοῦντα τὴν μητέρα αὐτοῦ, καὶ ὡς εἶδεν αὐτούς, ἐθυμώθη σφόδρα καὶ ἔπεμπεν αὐτοῖς ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ ὡσεὶ ἀτμίδας καμίνου. ὁ δὲ δοῦλος τοῦ θεοῦ θεόδωρος ἰδὼν αὐτὸν ἐδειλίασεν καὶ εἱστήκεσαν καὶ ἀλλήλους ἐθεώρουν. ὁ μὲν δράκων ἐτήρει τοῦ στρατιώτου τὴν ἐπήρειαν, ὁ δὲ θεόδωρος τὴν ἑαυτοῦ κεφαλήν, καὶ εὐχόμενος ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτου ἔλεγεν· κύριε ὁ θεός, ὁ ἐν ὕδασιν τὸν Ἰωνᾶν ἐμβαλὼν ἐν μέσῳ τῆς θαλάσσης, καὶ κατέπιεν αὐτὸν τὸ κῆτος τῆς θαλάσσης τῇ σῇ προστάξει, καὶ οὐκ ἐφλέχθη (?) εἰς τὴν κοιλίαν αὐτοῦ. ὁ τὸν Μωϋσὴν καὶ Ἰσραὴλ διασώσας ἐκ δουλείας Φαραώ, ὁ λυτρωσάμενος τὸν Δανιὴλ ἐκ στόματος λεόντων, διάσωσον κἀμὲ τὸν δοῦλον σου, ὅπως τροπώσωμαι καὶ τοῦτον τὸν δράκοντα. καὶ ἦλθεν αὐτῷ φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· θάρσει, θεόδωρε, ἐγὼ γὰρ εἰμὶ μετὰ σοῦ. καὶ ἔλαβεν θάρσος παρὰ θεοῦ, καὶ ἐξέτεινε τὴν ῥομφαίαν αὐτοῦ καὶ ἀπέκτεινε τὸν δράκοντα. καὶ συσφιχθεὶς ὁ δράκων ἠσφάλισεν [2]) τὰς θύρας τοῦ μὴ ἔχειν εἴσοδον οὔτε ἔξοδον. καὶ ἐποίησεν ὁ θεόδωρος μετὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ ἐν τῷ σπηλαίῳ ἡμέρας ἑπτά, λυπούμενος καὶ εὐχόμενος πρὸς τὸν θεὸν λέγων· κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν, ὁ ἐν οὐρανοῖς κατοικῶν, ὁ τὰ ἄδηλα καὶ τὰ κρύφια τῶν ἀνθρώπων ἐπιστάμενος, ὁ διαρρήξας πέτραν ἐν ἐρήμῳ καὶ κλεῖθρα ᾅδου διαρρήξας καὶ δεσμὰ διακλάσας, ἐπίβλεψον ἐπὶ τὴν δέησίν μου, ὅτι ἰδοὺ ἡ κεφαλή μου εἰς σχισμὰς ὀρέων, κατέβην εἰς γῆν, ἧς οἱ μοχλοὶ αὐτῆς κάτοχοι αἰώνιοι, καὶ ἀναβητω ἐκ φθορᾶς ἡ ζωή μου πρὸς σέ, κύριε ὁ θεός μου [3]).

---

[1]) Ркп. ἔχοντα.

[2]) Ркп. ἐσφάλησεν. Либо ἠσφάλισεν отъ ἀσφαλίζω, либо новогреческая форма ἐσφάλισε отъ σφαλνῶ.

[3]) Ἰωνᾶς, II 6—7: «ἔδυ ἡ κεφαλή μου εἰς σχισμὰς ὀρέων, κατέβην εἰς γῆν ἧς οἱ μοχλοὶ αὐτῆς κάτοχοι αἰώνιοι. καί ἀναβήτω φθορὰ ζωῆς μου, κύριε ὁ θεός μου». Д. — Догадка проф. Дестуниса, что въ разночтеніяхъ къ греческому тексту долженъ встрѣтиться и варіантъ: ἐκ φθορᾶς дѣйствительно подтверж-

ὁ δὲ θεὸς θέλων σῶσαι καὶ ἀναγαγεῖν αὐτὸν ἀπέστειλε γαβριὴλ τὸν ἄγγελον αὐτοῦ καὶ διέρρηξε τὸ ὕδωρ τοῦ πορεύεσθαι τὴν προτέραν αὐτοῦ ὁδόν. καὶ ὑπέδειξε τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ θεόδωρον συμπλεῦσαι μετὰ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ τοὺς δύο παῖδας. καὶ ἡλίου ἀνατέλλοντος ἐξῆλθον εἰς τὸ φῶς. καὶ ἰδοὺ νεφέλη φωτὸς ἐπεσκίασεν αὐτούς, καὶ ἐξῆλθεν τὸ ὕδωρ ὡσεὶ ποταμὸς μέγας. καὶ ἰδόντες οἱ ἄνθρωποι τῆς χώρας ἐκείνης τὸ ὕδωρ καὶ τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ θεόδωρον καὶ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ τοὺς δύο παῖδας, δραμόντες ἀπῆλθον καὶ ἀπήγγειλαν τὸν βασιλέα, ὅτι ὁ θεόδωρος ἔρχεται. καὶ ἐχάρη χαράν μεγάλην καὶ δορήματα παρέσχε τοῖς τοῦτο ἀναγγεῖλασι. καὶ μαθὼν παρ᾽ αὐτῶν ὅτι καὶ τὸν δράκοντα ἀπέκτεινε καὶ πᾶσαν τὴν στρατίαν αὐτοῦ, ἐξῆλθεν πρὸς ἀπάντησιν αὐτοῦ. καὶ ἀγκαλισάμενος μετὰ δακρύων καὶ χαρᾶς κατεφίλησεν αὐτόν. κατέστησεν δὲ πάλιν αὐτὸν εἰς τὴν προτέραν αὐτοῦ τιμὴν καὶ τάξιν. καὶ πάλιν τῶν ἐθνῶν τὰ πολέμια ἔνυξαν μετ᾽ αὐτοῦ. ἐτελεύτησε δὲ ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος, καὶ μετέστη ὁ θεόδωρος εἰς ἑτέραν πόλιν. καὶ ἦν ἐκεῖ βασιλεὺς ἑλλήνων ὀνόματι Μαξιμιανὸς καὶ ὑπ᾽ αὐτοῦ ἐμαρτύρησεν τὴν καλὴν ὁμολογίαν. καὶ πιστεύσας εἰλικρινῶς ἔλαβεν τοὺς στεφάνους παρὰ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὗ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος σὺν τῷ πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας.

дается изданіемъ Тишендорфа, Ἡ παλαιὰ διαθήκη κατὰ τοὺς ἑβδομήκοντα, II p. 240, варіанты къ Іонѣ II, 7. Въ славянскомъ переводѣ апокрифа: «да изыдетъ отъ (варіантъ: въ) печали животъ мои». В.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XX ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ Отдѣленія, которыми начинается книга.